ПОСТМОДЕРНИЗМ КАК ТЕОРЕТИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРОБЛЕМА. ФЕНОМЕН ТВОРЧЕСТВА В. ПЕЛЕВИНА

Полухин В.И.
магистрант II-го курса, Навоийский государственный университет, г. Навои, Республика Узбекистан
ORCID: 0009-0003-3899-1911; +998 91 852 30 04

Annotatsiya. *Maqolada XX asr oxiri va XXI asr boshidagi badiiy tizim sifatida postmodernizmning metodologik asoslari hamda ularning V. Pelevin nasrida namoyon bo‘lishi ko‘rib chiqiladi. «Hasharotlar hayoti» romani misolida dekonstruksiya, simulyakr, intertekstuallik, ikki xil auditoriyaga yo‘nalganlik va o‘yin tamoyili tahlil qilinadi. «O‘ziga rom etuvchi G‘arb» obrazining yaratilishi va sivilizatsiya inqirozi sharoitida milliy o‘zlikni izlashga alohida e’tibor qaratiladi.*

Kalit so‘zlar: *postmodernizm, janr, roman, masal, obraz, allyuziya, dekonstruksiya, ikki xil kodlash, simulyakr, G‘arb obrazi.*

Аннотация: *В статье рассматриваются методологические основы постмодернизма как ключевой художественной системы конца XX – начала XXI века, а также специфика их преломления в прозе В. Пелевина. На примере романа «Жизнь насекомых» анализируются ключевые постмодернистские категории: деконструкция, симулякры, интертекстуальность, «двухадресность» и игровое начало. Особое внимание уделено специфике конструирования образа «соблазняющего Запада» и поиску национальной идентичности в контексте цивилизационного кризиса.*

Ключевые слова: *постмодернизм, жанр, роман, басня, образ, аллюзии, деконструкция, двойное кодирование, симулякр, образ Запада.*

Abstract. *The article examines the methodological foundations of postmodernism as an artistic system of the late twentieth and early twenty-first centuries and their expression in V. Pelevin’s prose. Using The Life of Insects, it analyses deconstruction, simulacra, intertextuality, dual address and play. Particular attention is given to the construction of the image of the “seductive West” and the search for national identity amid a civilisational crisis.*

Keywords: *postmodernism, genre, novel, fable, image, allusion, deconstruction, double coding, simulacrum, image of the West.*

Согласно классическому утверждению К.Г. Юнга, сформулированному еще в 1920-е годы, характер и направление искусства

чутко реагируют на запросы духовной атмосферы своей эпохи. Рубеж XX–XXI веков ознаменовался формированием новой культурно-исторической парадигмы – постмодерна, возникшего как реакция на глобальный кризис техногенной цивилизации. Ощущение распада целостности мира, исчерпанность идеалов линейного прогресса, крах веры в безусловное господство Рацио и тоталитарных метанарративов породили сложный философско-эстетический комплекс. Философия постмодернизма базируется на отказе от гомоцентризма и «децентрации субъекта». Она провозглашает антитоталитарность, плюрализм истин, нелинейность исторического процесса и бесконечную множественность интерпретаций реальности. В эпоху бурного развития масс-медиа и виртуальных технологий искусство отказывается от классического мимесиса (отражения действительности) в пользу моделирования «второй реальности». Эта реальность населена симулякрами – знаками и копиями, лишенными подлинного референта. Постмодернистский текст строится на принципах деконструкции, тотальной иронии и интертекстуальности, а его «двухадресность» позволяет ему одновременно апеллировать и к интеллектуальной элите (через сложную систему культурных кодов), и к массовому читателю.

В отечественном литературном контексте постмодернизм не мог полноценно сформироваться в советский период из-за доминирования эстетического и философского монизма соцреализма. Однако на рубеже 1980–1990-х годов одной из наиболее ярких и знаковых фигур этого направления становится Виктор Пелевин. Его проза, часто балансирующая в рецепции критики на границе между массовой и элитарной словесностью, представляет собой глубокий аналитический срез переходной эпохи. Пелевин не просто использует постмодернистский инструментарий ради языковой игры; его тексты транслируют трагическое ощущение тупиковости современного общества потребления и информационных монстров (что наглядно продемонстрировано в романе «Generation „П“»). Используя формулу «Пустоты» в романе «Чапаев и Пустота», автор концептуализирует душевное и идеологическое опустошение постсоветского человека, чьи привычные исторические ориентиры оказались иллюзорными симулякрами. При этом художественному методу В. Пелевина присуща внутренняя противоречивость: стремясь деконструировать идеологические догмы и выйти к абсолютной духовной свободе, писатель зачастую сам оказывается в плену жестких рациональных концепций. Это приводит к определенной дидактичности и узнаваемости его приемов, когда яркая художественная

метафора (например, образ солнечного луча в повести «Желтая стрела») дублируется авторским комментарием-разъяснением.

В романе «Жизнь насекомых» В. Пелевин разворачивает масштабную аллегорическую и интертекстуальную игру, используя традиционные жанровые элементы басни для создания антропоморфных образов людей-насекомых. Одной из центральных теоретико-литературных проблем произведения становится репрезентация образа Запада и его восприятия постсоветским сознанием. Западная цивилизация выведена в романе как амбивалентный феномен – одновременно действительный и мифологизированный русским человеком. Пелевин продолжает классическую традицию русской литературы (И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский), исследуя комплекс отечественного «западничества». В сознании постсоветских обывателей Запад предстает как «опьяняющая галлюцинаторная яркость» (М. Эпштейн), транслируемая через масс-медиа.

Российские персонажи пытаются слепо копировать европейские и американские универсалии, однако, конструируя этот глянцевый мир из доступного отечественного материала, они превращают копирование в бессознательную пародию и гротеск. Примером тому служит муравьиха Марина, пародийно воспроизводящая сцены из зарубежного кинематографа.

В романе отчетливо дифференцируются два уровня рецепции западного мифа:

1. Материально-потребительский уровень: Муха Наташа видит в Западе (в лице комара Сэма, прилетевшего буквально «пить русскую кровь») лишь способ избавления от бытовой рутины и удовлетворения утилитарных потребностей. Ее мечтания примитивны и лишены духовного измерения, что подчеркивается резким стилистическим контрастом между романтическим южным пейзажем и ее сниженными вопросами о материальном изобилии.

2. Духовно-экзистенциальный уровень: Персонаж Сергей ищет за океаном подлинную свободу («символ равнокрылых возможностей»). Однако, оказавшись в США, он обнаруживает, что «Рай» представляет собой спичечный коробок с нарисованными пальмами, а американское общество состоит из таких же «тараканов»-потребителей, озабоченных лишь материальным благополучием. Разница между американским и российским менталитетом по Пелевину заключается в том, что американский «кокроуч» удовлетворен своим статусом, тогда как русская душа испытывает от этого метафизическую тоску.

Через разочарование в западном мифе Пелевин намечает три возможных пути развития человеческого духа:

Путь цивилизации – погоня за материальными благами, характерная для современного Запада (путь потребления);

Путь европейской культуры – интеллектуальное познание внешнего идеала;

Восточный (буддийский) путь – обретение «света» внутри самого себя.

Именно третий путь эксплицируется автором как единственно истинный. Осознание иллюзорности географического «рая» позволяет Сергею трансформироваться из таракана в цикаду. В финальном диалоге Димы и Мити утверждается необходимость преодоления «тьмы» внешнего мира через пробуждение индивидуального сознания. Россия в этой концепции видится Пелевину потенциальным «вторым миром» – пространством, где, вопреки социальному хаосу, сохраняется возможность личного творчества и свободы от диктата симулякров, в то время как для прагматичного Запада этот путь уже закрыт.

Роман В. Пелевина «Жизнь насекомых» являет собой репрезентативный образец отечественного постмодернистского дискурса. Используя приемы двойного кодирования, интертекстуальной игры с классическим наследием и деконструкции социокультурных мифов, писатель преодолевает рамки чистого формального эксперимента. Пелевин переводит теоретико-литературную проблему постмодерна в экзистенциальную плоскость, где деконструкция образа «соблазняющего Запада» становится необходимым этапом на пути преодоления духовной пустоты и обретения подлинной внутренней свободы.

Литература

1. Черняк М. А. Актуальная словесность XXI: приглашение к диалогу. Учебное пособие. Москва: Флинта, 2015.
2. Черняк М.А. Современная русская литература. Санкт-Петербург – Москва: Наука, 2004.
3. Сайт творчества Виктора Пелевина http://pelevin.nov.ru/
4. Богданова О.В., Кибальник С.А., Сафронова Л. Литературные стратегии Виктора Пелевина. – СПб.: 2007.
5. Чебоненко О.С. Литературные интерпретации жизненных смыслов дзэн-буддийского Востока в произведениях XX в. (на примере романа В.О. Пелевина «Чапаев и Пустота») // Вестник Бурятского гос. ун-та. Улан-Удэ, 2011. № 10.
6. Полотовский С., Козак Р. Пелевин и поколение пустоты. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2012.

7. Генис А. Поле чудес: Виктор Пелевин // Генис А. Иван Петрович умер: статьи и расследования. – М.: Новое литературное обозрение, 1999.